

Михаил Абрамов,
кандидат социологических наук, культуролог (Россия)

Жизнь подтверждает правоту Зиновьева

Любой учёный, мыслитель живёт, творит, действует, находясь в исторически заданной социальной среде, которая не только стимулирует, но ограничивает его умственное творчество. Такими ограничителями выступают общественно-политические институты, культура, идеология, низкая степень готовности общества к интеллектуальному движению вперёд.

Исторический опыт говорит о том, что преодоление социальных и культурных ограничителей, осуществление качественного скачка в интеллектуальном развитии человечества не достигается усилиями коллективов, которые в силу самой своей природы объективно выполняют функции сохранения и укрепления ограничителей. Реальный выход за «красные флажки» в науке, подлинный прорыв в социальном и культурном знании, общественной мысли всегда есть результат усилий отдельных личностей. Усилий интеллектуальных, волевых, нравственных.

Об этом напоминает книга «Александр Александрович Зиновьев», посвящённая жизни, творчеству, общественной деятельности выдающегося русского мыслителя. Она представляет собой сборник статей, написанных его коллегами, друзьями, учениками.

Ценность данной книги определяется, прежде всего, тем, насколько полно, глубоко, целостно удалось её авторам раскрыть богатство научного творчества мыслителя – именно так формулирует «сверхзадачу» книги её редактор и один из авторов директор Института философии РАН академик А.А. Гусейнов.

Эта цель, считаю, достигнута. Не столько, на мой взгляд, благодаря тому, что книга охватывает всю широту проблематики научного творчества А.А. Зиновьева, сколько тому, что её авторы акцентировали внимание на глубинах, богатстве идей, выдвинутых выдающимся исследователем. Монография подводит к однозначному выводу: зиновьевское наследие осмысленно далеко не полностью, сделаны только первые шаги, которые должны быть продолжены.

Второй вывод после прочтения книги: творчество А.А. Зиновьева в высшей степени оригинально, начиная с созданной им формы изложения и кончая его содержанием. Прямых предшественников ни в логике, ни в социологии, ни в этике у него не было.

Третий вывод: предельная, можно сказать, беспощадная правдивость, искренность, независимость в обосновании выдвигаемых научных положений, политических и личностных оценках (в том числе в отношении самого себя). Конформизм Зиновьеву не был свойственен ни в чём и никогда.

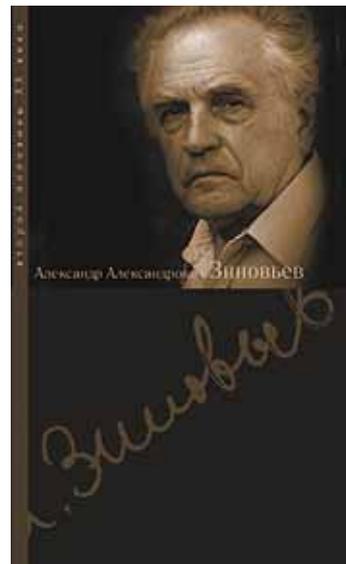
Полагаю, в этих особенностях его творчества и личности следует искать истоки, мягко говоря, сдержанного, а, подчас, и открыто негативного отношения к нему, его творчеству со стороны официального истеблишмента на родине и за ру-

бежом. А также со стороны немалой части научного сообщества. Ибо оригинальность мышления, необычайная широта научных интересов, нежелание идти на компромиссы в принципиальных вопросах, редкое по нынешним временам свойство не лукавить, а называть вещи своими именами – всё это, несомненно, не может не раздражать тех, кто живёт, работает совсем по иным правилам.

А.А. Зиновьев следовал им самим созданной этике, своему учению о жизни, которое назвал зиновьевой. Её принцип он сформулировал следующим образом: я есть суверенное государство. Если вдуматься, это формула свободолюбия – духовного, общественного, политического. Сам А.А. Зиновьев не считал, что его этическая концепция имеет универсальное значение. Следовать ей или не следовать – вопрос личного выбора каждого. Многих его этика свободолюбия, воплощённая в самой его жизни и творчестве, привлекала и привлекает. Но многие, в том числе в кругах власть имущих, её не приемлют. Это неприятие ощутимо даёт себя знать.

Чтобы понять масштабы духовного и социального явления по имени Зиновьев, следует, наверное, искать его генезис в истории реального государства – Советского Союза, в советской социальной системе, внутри которой он сложился как учёный, мыслитель. Он свидетель и участник важнейших вех истории Советского государства, включая Великую Отечественную войну, которую прошёл от первого до последнего её дня.

Сам А.А. Зиновьев не раз отмечал, что его жизнь, равно как жизнь всей их семьи, – наглядная иллюстрация возможностей, которые открыл человеку из народа реальный коммунизм, материализованный в советской системе. Он стал её исследователем, который сумел взглянуть на эту систему непредвзято, бесстрастно, смог преодолеть ценностные установки, подойти к коммунизму как к некоторой эмпирически данной социальной реальности.

Александр Александрович Зиновьев. – М.: РОССПЭН, 2008. – 374 с. – (Серия «Философия России второй половины XX века»)

Именно это дало возможность А.А. Зиновьеву создать подлинно научную концепцию реального коммунизма. Концепцию, которая преодолевает обе крайности: коммунизм как воплощение зла и коммунизм как рай на земле. Реальный коммунизм – не то, и не другое. Он являет собой исторически сложившуюся модель общественного устройства со своими несомненными достоинствами и столь же несомненными недостатками.

Поэтому неверно, полагает А.А. Зиновьев, видеть в реальном коммунизме всего лишь неудачную попытку практического осуществления неудачной же доктрины, в действительности реальный коммунизм воплотил одно из объективных направлений эволюции человечества. На определённом этапе он демонстрировал отчётливо выраженное превосходство над всеми другими известными типами социальной организации с точки зрения обеспечения прогресса огромного человеческого объединения в труднейших исторических условиях. Однако в итоге верх взял западнизм. Но не потому, как принято считать, что западнизм выше коммунизма по качеству социальной организации. Западнизм одержал победу над коммунизмом в «холодной» войне по той очевидной причине, что Запад был многократно сильнее экономически Советского Союза. А также по той причине, что руководство СССР не сумело правильно понять природу кризиса, с которым столкнулся советский строй к началу 1980-х годов. Поэтому первый же кризис коммунизма стал для него последним.

Но и западнизм, отмечает А.А. Зиновьев, обременён серьёзными внутренними проблемами, слабостями, которые, согласно его анализу, неустранимы в рамках данной системы. Нынешний глобальный кризис, переживаемый человечеством, заставляет вспомнить это предостережение. Несомненно, наследие А.А. Зиновьева может стать отправной точкой на пути формирования теории мирового развития, адекватной современным реальностям и выявившимся тенденциям мирового развития.

Книга интересна также с точки зрения активно обсуждаемого в последнее время вопроса о том, насколько правомерно говорить о развитии философии в советский период. Значительный период зиновьевской биографии связан с учёбой на философском факультете Московского государственного университета, а затем его работой в Институте философии АН СССР. По воспоминаниям одного из авторов книги, А.А. Зиновьев выделялся на фоне большинства своих коллег по институту, которых именовал «функционерами от философии».

Всё это так. Тем не менее, несмотря на всю иронию, сарказм, с каким А.А. Зиновьев изображал духовную атмосферу того времени, он был далёк от того, чтобы считать весь тот период, всю общественную науку затхлым стоячим болотом. Таких заявлений мы у него не найдём. И понятно почему. Стремление к духовному творчеству органически присуще людям, и ни в какой стране, ни при каком режиме полностью заглушить этот процесс никому не удавалось. Советский Союз не исключение. Можно назвать также имена таких интересных, признанных учёных, как А.Ф. Лосев, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, П.В. Копнин, Б.М. Кедров и другие. Если бы дело обстояло иначе, если бы в стране полностью отсутствовало интеллектуальное творчество, вряд ли А.А. Зиновьев сумел осуществить свой творческий прорыв.

Вместе с тем, как показано в книге, этот прорыв состоялся, прежде всего, благодаря огромному творческому по-

тенциалу, самостоятельности мышления, духовному и политическому свободоловию А.А. Зиновьева. Этим объясняется то, что, впав в немилость у советского руководства, оказавшись в вынужденной эмиграции, А.А. Зиновьев не стал союзником и соратником тех, кого было принято называть диссидентами. Он весьма жестко и бескомпромиссно высказывался в адрес культовых персонажей оппозиционного движения, в частности А.Н. Сахарова и А.И. Солженицына. Разумеется, все высказывания такого рода следует рассматривать в историческом контексте, в соотношении с той конкретной ситуацией, в какой они были сделаны. Вместе с тем суть принципиальной позиции А.А. Зиновьева они отражают точно: он никогда и ни в чём не подлаживался под политическую конъюнктуру, говорил то, что думал, оставаясь верным принципу суверенного государства.

Всемирная известность Зиновьева, оригинальность и независимость его воззрений неизбежно породили множество мифов о нем. Для истории важна и ценна не столько фигура А.А. Зиновьева как конкретного человека, сколько его научное наследие, его вклад в мировую науку, мировую культуру. А здесь грань между мифологизацией и демифологизацией очень зыбкая. Стремление к демифологизации, «очеловечиванию» не только образа, но и творчества А.А. Зиновьева, доведенное до крайности, в свою очередь может обернуться мифом «демифологизации». То, что при этом будет создан (и уже активно создаётся определёнными кругами) образ Зиновьева как, мягко говоря, малосимпатичной личности – это ещё полбеда. Беда в том, что такая «демифологизация», под разговоры о значимости восстановления подлинного, а не мифического, Зиновьева-мыслителя сопровождается попытками принижения, искажения, а затем и отрицания его выдающегося вклада в мировую науку, мировую культуру.

Когда-то один из деятелей немецкого Возрождения Г.Э. Лессинг восклицал: мы хотим, чтобы о нас меньше говорили, но больше читали! Это в полной мере относится к творчеству А.А. Зиновьева. Время уже сказало своё слово. В историю науки, историю культуры он вошёл как крупнейший мыслитель. Он не поддаётся умалению. Он не нуждается в возвеличивании. Он нуждается в том, чтобы его труды больше читали, основательно изучали, творчески развивали.

Трудно отделаться от парадоксальной мысли: для того, чтобы осмыслить в полной мере значимость личности и трудов Зиновьева, нужно встать вровень с ним, быть соразмерным Зиновьеву. Настолько оригинальны, подчас парадоксальны, но стройны, гармоничны в своей целостности и, что особенно важно, продуктивны его воззрения. Продуктивны в том смысле, что они чётко сформулированы, опираются на анализ эмпирически данных социальных реальностей, верифицируемы.

Жизнь подтверждает правоту А.А. Зиновьева. Ни одно из основных положений его социологии не опровергнуто ходом событий. Вновь востребованы его логические идеи, основанные на том, что логика должна строиться как теория познавательных средств, и не как игра в формальные системы, не поддающиеся когнитивной интерпретации. Практически стопроцентно сбываются его прогнозы мирового развития.

Словом, Зиновьев, его труды актуальны. Их эффективность как инструмента познания и осмысления социальных процессов очевидна. Рецензируемая книга стимулирует изучение и развитие интеллектуального наследия выдающегося мыслителя.